

ХРИСТИАНСТВО, ИНКВИЗИЦИЯ, НАУКА

П.П. Можейко

Полесский государственный университет

Уникальность нового и новейшего времени, его динамичность и ориентация на науку выросла из особого взгляда христианства на человека и природу. А.Тойнби по этому поводу утверждает следующее: «Эти два слова – «Иисус Христос» – имеют неоценимое значение для нас и будут, рискну предсказать, всё так же важны для человечества и две и три тысячи лет спустя» [7, с. 404]. Вместе с тем, необходимо несколько подкорректировать изложенный выше взгляд Тойнби. В

частности, в эпоху Возрождения, ценностные установки которого ориентировались на античную аксиосферу, общественные и природные процессы рассматривались гуманистами как повторяющийся цикл событий. Концепция линейности исторического процесса сохраняется и отстаивается в это время лишь в христианстве, постепенно трансформируясь в линейность социального времени и теорию прогресса. Причем церковь вынуждена была скорее способствовать распространению знания, чем мешать его развитию. Связано это было, в первую очередь, с борьбой с ересями, которые подтачивали догматику христианства. Окультистские теории при объяснении всех сторон действительности становятся если не преобладающими, то претендующими на первые роли. 12-й Вселенский собор, в связи с ростом еретического движения, постановил: осужденных церковным судом, еретиков передавать государственной власти для заслуженного наказания. При этом, Церковь не определяла еретикам меры наказания. Особый церковный суд католической церкви под названием «Инквизиция» был создан в 1215 году папой Иннокентием III. Конгрегация священной канцелярии была учреждена в 1542 году, заменив собой «Великую римскую инквизицию» Различали три вида еретиков:

а) еретики, отрекшиеся от ереси, раскаявшиеся и возвратившиеся в лоно Церкви, подвергались только церковному наказанию – епитимье и покаянию.

б) еретики, в обращении которых возникали обоснованные сомнения - бессрочно содержались в тюрьме.

в) еретики, упорствующие в ереси или отказавшись от нее, но опять вернувшиеся к ней, передавались государственным властям. Как видно из этой классификации, ереси классифицировались инквизицией отнюдь не одинаково. В обязательном порядке обвиненный в ереси публично и гласно мог доказывать несправедливость обвинений. В случае доказанности его вины, мог подать апелляцию. В силу того, что деяния, направленные против религии, в том числе ереси, подрывали культурные и государственные устои общества, уголовное право того времени предусматривало за них различные наказания вплоть до сожжения. Таким образом инквизиция боролась не с научной мыслью, а с мракобесием, всевозможными гадалками и колдунами, которые сами себя именно так и позиционировали. Ситуация, которая нам хорошо знакома сегодня. Из постулата, получившего широкое распространение в эпоху Возрождения, что вселенная, жизнь и человек образовались в результате действия слепых стихий, отнюдь не вытекало с неизбежностью ни построение светлого будущего на основаниях науки, ни доминирование идей либерализма и гуманизма в жизни общества. Для современной науки характерна формализация процесса познания, попытка выразить большинство законов природы в виде формул и чисел. Истоки такого представления о формализуемости законов природы уходят в христианский символизм Средних веков. Особое место среди важнейших форм средневековой символики занимала символика чисел: структурируя средневековую мысль, она стала одним из главенствующих принципов в объяснении природы. Математика как наука зарождается тогда, когда в абстрактном мышлении человека уже сложилось понятие не просто числа, а что очень важно особо подчеркнуть, понятие об идеальной природе числа. Так же как и слово, в христианском символизме число смыкается с реальностью, что в свою очередь, послужило одной из предпосылок зарождения науки в Новое время. Распространение письменного слова в Европе было подготовлено напряжённой работой средневековых мыслителей. Белорусский исследователь Семёнов пишет по этому поводу следующее: «Что касается схоластики, то не может не броситься в глаза неразрывная связь схоластического знания со словесной формой. Схоласт обращает равное внимание и на содержание, значение, и на само слово. Не случайно сложилось устойчивое мнение, что мир схоластической философии – это мир, увиденный сквозь призму языка. Впрочем, это едва ли не общая черта средневекового мышления» [6, с. 1034].

Уважительное отношение к письменному слову закладывало новую оценку человека, основанную на умении читать. О значении письменности для становления науки пишет Хейзинга: «Чтение – более тонкая функция культуры. Ум воспринимает прочитанное гораздо быстрее, он постоянно делает отбор, напрягается, переключается, делает паузы и размышляет, – тысячи движений мысли в минуту, которых не знает слушающий» [8, с. 352]. Одним из культурных центров того времени были монастыри, которые сохранили не только многое из интеллектуального наследия предшествующих времен, но и стали своеобразными «трансляторами» традиций образования. По уставу монастырей в обязанности монахов входило обучение детей, которых родители отдавали в монастырь на воспитание. Монастырские воспитанники должны были три часа в день посвящать исключительно науке. Каждому монастырю предписывалось иметь библиотеку [3, с. 246]. Одной из ведущих функций

средневековой церкви была функция сохранения и передачи знания. Еще в V веке в Константинополе создаются университет и училище [4, с. 45].

Борьба с религиозным инакомыслием, а также необходимость отчетливого формулирования догматического корпуса побуждала христианских мыслителей к рассудочной, доскональной работе с понятиями и силлогизмами. Аверинцев по этому поводу пишет следующее: «Итак, мы вправе назвать рационализм, унаследованный средневековьем от античности, логико-риторическим. Далее, разрабатываемая им логика есть, прежде всего, техника силлогизма, то есть дедукции – иерархического движения сверху вниз, при котором общее мыслится первичным по отношению к частному: первичным прежде всего гносеологически, то есть более познаваемым, более достоверным, но по большей части и онтологически, то есть более реальным. Риторика как техника «общих мест» есть необходимый коррелят такой логики» [1, с. 10 – 11]. В дальнейшем логическая аргументация используется в спорах не только с иноверцами, но и среди ортодоксальных единомышленников. А необходимость логических выводов из антиномичных догматических посылок имплицитно углубляла диалектический способ мышления. Истоки мышления, опирающиеся не только на формальную логику Аристотеля, но и на иные законы, легко обнаружить в работах христианских мыслителей эпохи патристики.

Средневековые мыслители находят убедительные доводы для исследования объективных явлений. Они придерживаются взгляда, что наряду с откровением вполне возможно реальное познание вещей [2, с. 289]. Первым путем идет Церковь. Но и второй путь оправдан. Такой взгляд на изучение мира, подкрепленный церковным авторитетом, закладывал гносеологические основы естествознания. Принципиально то, что благодаря такой позиции изменился сам человек: у него формируются качества, необходимые субъекту познания. Можно обоснованно утверждать, что новый человек предшествовал новой европейской науке. Представители средневековой интеллектуальной мысли, в большинстве своём были реалистами, поскольку считали, что мир объективен, его можно воспринимать, постигать, ощущать и понимать. Они признавали, что природа предстает перед нами непосредственно и она доступна нашему разуму. Она не обладает душой. Для средневековых учёных оппозиция субъекта и объекта в её разнообразных формах олицетворяла рациональность. Все, что выходило за пределы этой оппозиции или относилось к сфере субъектно-объектного различия, рассматривалось как иррациональное, выпадающее из предметного поля теории познания, вообще из рациональной философии [5, с. 71]. Наконец, природа рассматривалась в статике, то есть считалось, что все виды флоры и фауны были сотворены уже в их современной форме. В этом завершённом мире не могло быть никаких принципиальных новшеств, кроме деяний Бога. Поэтому научное знание получает статус достоверности во временном протяжении. Что же касается предшествующих религий, то в них мы не встретим подобных представлений о природе. Природа понимается в этих религиях как живой организм, в который органично встроен человек, но не как обезличенное предметное поле, управляемое объективными законами. Поэтому вряд ли возможно говорить о целенаправленном преобразовании окружающей действительности в обществах, ориентированных на восприятие природы как эманации бога или богов. Само понятие закона природы, отличного от законов, которые регулируют социальную жизнь, было нехарактерно для традиционных религий. Такая трактовка знания стала отправной точкой развития классической науки. Таким образом, возможность объективного познания окружающей действительности, к которой апеллирует новоевропейская наука, вытекает из некоторых средневековых воззрений на мир. Он оказывается не разнородным, а единым по своей структуре, так как законы, которые создал Бог, для управления миром, вечны и неизменны. Они одни и те же во всей вселенной. Окружающее мир человека пространство однородно и бесконечно. Следовательно, возможности познания не ограничиваются лишь сферой обитания человека, а распространяются на весь универсум. Отсюда вытекает возможность познания законов вселенной. Итак, в Средние века закладывается отношение к наукам, изучающим природу, характерное для нашего времени. Человек способен понять законы, по которым был создан мир, таков вывод средневековых мыслителей. Это новое отношение между человеком и природой, в котором человек из-за сопричастности к Богу может быть властелином природы, заложило предпосылки генезиса науки и техники в последующий период.

Список использованных источников:

1. Аверинцев, С.С. Два рождения европейского рационализма / С.С.Аверинцев // Вопросы философии. – 1989. – № 3 – с. 3 – 13.

2. Александрийский, К. Строматы: в 3 т. / К. Александрийский. – СПб. : из-во Олега Абышко, 2003. – Т. 1 (Книги 1–3) – 544 с.
3. Лангер, С. Философия в новом ключе / С. Лангер. – М. : Республика, 2000. – 287 с.
4. Мейендорф, И. Рим – Константинополь – Москва. Исторические и богословские исследования. / И. Мейендорф – М. : Православный Свято – Тихоновский гуманитарный университет, 2006. – 320 с.
5. Микешина, Л.А. Философия познания: диалог и синтез подходов / Л. А. Микешина. // Вопросы философии. – 2001. – № 4. – С. 70 – 83.
6. Семенов, Н.С. Средневековая философия / Н.С. Семёнов. // История философии. Энциклопедия; сост. и науч. ред. А.А. Грицанов. – Минск, Интерпресссервис. Книжный Дом, 2002. – С. 1031– 1036.
7. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник / А.Дж. Тойнби. – М. : Рольф, 2002. – 592 с.
8. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : изд. групп. ПРОГРЕСС Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.
9. Шпренгер, Я. Молот ведьм / Я. Шпренгер, Г. Инститорис. – М. : изд. Амфора, 2001. – 525 с.